

В ладу с ремеслом и искусством

Бомарше сказал: «Я был счастлив потому, что был в ладу со своим ремеслом». Думая об Аде Григорьевне, смею утверждать, что она была счастлива вдвойне, потому что была в ладу и с ремеслом, и с искусством. Она была счастлива, потому что имела возможность всю свою жизнь заниматься тем, к чему была призвана свыше и что делала лучше всего на свете, лучше, чем что бы то ни было, хотя, не сомневаюсь: в сферах литературы и театра, которые знала превосходно, она тоже достигла бы весьма значительных высот, потому что воспринимала, любила и ощущала их чрезвычайно глубоко и тонко. Но, тем не менее, возможность наиболее полного и яркого самораскрытия предоставляла ей музыка. Это знали все, кто соприкасался с нею — будь то ученики, собеседники-профессионалы, коллеги, просто люди, беседовавшие с Адой Григорьевной о музыке. Я даже позволю себе предложить своеобразную «обратную теорему»: не только для А. Г. профессия была счастьем, но и счастье музыки, быть может, в том, что есть люди, способные так воспринимать, так вибрировать и ощущать самую глубинную ее суть, так заражать и заряжать своим пониманием собеседника, как это умела Ада Григорьевна.

Она обладала удивительно мощным энергетическим полем, воздействия которого не избежал никто. Когда я думаю о ней (а это происходит постоянно — никогда не подозревала, что буду так много думать о маме, когда ее не станет), то с удивлением и радостью обнаруживаю, что думаю о ней не просто как о матери, близком, родном человеке, нет, я, дочь, думаю о ней как о художественной личности, как о музыканте.

Общение с Адой Григорьевной всегда создавало ясное представление о масштабах собственного несовершенства, с одной стороны; с другой же, благодаря этому энергетическому воздействию, она поразительно мобилизовывала и

активизировала твой собственный внутренний ресурс, о существовании которого ты сам подчас и не подозревал. Она настолько вовлекала партнера в свою мысль и переживание, что ты словно вспоминал то, о чем, кажется, забыл, начинал понимать то, о чем, вроде бы, до того и не ведал.

Что еще поражало всех в Аде Григорьевне — это ее открытость всему, поразительное для человека зрелого отсутствие в ней какого бы то ни было ханжества в оценке людей и человеческих отношений, в эстетических вкусах. Для нее существовал только качественный критерий. Талант, индивидуальность, мастерство — вот единственное, что было для нее важно. Если ей, к примеру, нравился эстрадный певец, то она говорила об этом с радостью, и не стеснялась. А. Г. Шнитке не была академически «зашоренным» музыкантом, человеком, поработанным ложно понятыми корпоративными канонами и цеховыми установлениями. Она была ориентирована на личность как таковую, на уровень таланта, на яркость и ни на что иное. Редкая способность Ады Григорьевны оставаться тождественной самой себе в любой ситуации — от прозаически бытовой до эстетической, — ее необремененность ничем, кроме сути, были и остаются для меня, быть может, самыми главными и самыми восхищающими чертами. В них — проявление такой высочайшей внутренней духовной свободы, которой бесполезно завидовать, к которой нельзя стремиться и которую невозможно обрести, ибо это есть некая высшая метафизическая данность, и она либо положена тебе Господом, либо нет.

Кроме того, для меня с течением времени приобретает все большую ценность качество Ады Григорьевны, которое в обыденном житейском сосуществовании переносить было не всегда легко. Это ее поразительная безытийность, внебытийность и надбытийность. В вещественном мире для нее не су-

ществовало абсолютно ничего значимого, условно говоря — горки с хрусталем, ковров, обеда и так далее; она, не вышивала, не шила и не вязала. Целиком и полностью, 24 часа в сутки она существовала в мире духовном, в мире художественном, он был для нее самоценен и самодостаточен. Все остальное не было атрибутом ее мира, и сама она была атрибутом совершенно другого мира. И в этом было что-то для меня абсолютно поразительное. Только теперь понимаю, насколько это было драгоценно, неповторимо. И мерить ее мерками обыденности было нельзя, потому что они ничего не открывали в ее сути. Если оперировать категориями «сущность» и «явление», то обыденные мерки могли говорить только об явлении, но ни в коем случае не о сущности.

Конечно, можно очень много говорить о мамином поразительном музыкантстве, о том, как любила и знала она музыку. Это известно всем, кто с ней соприкасался. Она играла почти всю европейскую литературу наизусть с любой точки. Но ее вкусы вмещали еще очень многое. Так, она обожала хорошие песни. Будучи человеком своего поколения, своего времени, она любила песни Дунаевского, Соловьева-Седого, Мокроусова и других. Она их с удовольствием слушала, сама прекрасно их играла, и они для нее находились в том же ряду, что и музыка серьезного академического плана.

Вспоминаю различные эпизоды, которые фокусируют многие живые черточки характера Ады Григорьевны, ее реакции, поведение, юмор. В трудные минуты, связанные с дурным самочувствием, скверным настроением, ей удавалось уломать меня немножечко поиграть ей любимые песни или просто хорошую музыку из различных кинофильмов. И поскольку она была человеком не слишком здоровым и, к тому же, мнительным, то различные ситуации и поводы к такому музицированию возникали нередко.

Как-то раз, когда Ада Григорьевна была нездорова, но, в общем, уже выздоравливала, я вернулась домой из консерватории. Вхожу в комнату, она лежит, рядом валокордин, другие лекарства, выражение лица по-детски жалобное... «Ну, садись скорее и поиграй мне», — просит мама. А одной из самых любимых ее песен была песня Бориса Мокроусова «Заветный камень». Современной молодежи это название и даже это имя, возможно, мало что говорят. Но среднее и старшее поколения, конечно, вспомнят не только самое песню, но и атмосферу, и поводы к ее возникновению. Для родителей эта песня была связана с войной... В общем, было достаточно ассоциаций, чтобы относиться к ней по-особому трепетно. Я знала, что мама любит именно кульминацию песни («Взошел на утес черноморский матрос...»), и решила сыграть прямо с нее. Поскольку это было давно, то мотивация моего «преступления» теряется во тьме годов: может быть, по душевной злобности, а может, руки так легли или стул был сдвинут, но я сыграла в другой тональности — не в ре миноре, а в соль миноре. Когда исполнение приближалось к кадансу, то буквально кожей спины почувствовала, что в воздухе скапливается злобность. Я доиграла песню. Последовала нехорошая пауза, после чего прозвучало слова о человеческой нечуткости, музыкантской нетонкости, о том, что совсем не обязательно родиться в такой семье, чтобы знать, в какой тональности написана Песня варяжского гостя, а в какой — Первая симфония Чайковского. После этого я увидела, как мамин глаз сверкнул недобрый аналитическим блеском, не сулившим мне ничего хорошего. И Ада Григорьевна, которая еще минуту назад лежала, жалобно глядя на меня и глотая валокордин, как ванька-встанька, резво вскочила, отложив болезнь в сторону. Она заложила ручки за спину и, маршируя по нашей крошечной «хрущевке», где возможностей для дефиле было гораздо меньше, чем в 35-м классе консерватории, здоровым звучным голосом выдала краткую энциклопедическую справку о семантике тональностей, об особенностях каждой, об эволюции d-moll'я от Чаконы Баха до Пятой симфонии Шостаковича через Largo e mesto Седьмой сонаты Бетховена, Первый форте-

пианный концерт Брамса, Симфонию Шумана, Скерцо из Пятой симфонии Прокофьева и т. д. А потом последовал список художественных образцов «в две колонки», эдак от 20 до 30 наименований, не считая двух томов ХТК и полифонического цикла Шостаковича. «А если некоторые этого не понимают, — ядовито резюмировала она, — то еще не поздно пойти в парикмахерши». Затем весь этот напор сник, опал, она выдохнула остатки возбуждения и легла — продолжать плохо себя чувствовать. Вот это и была Ада Григорьевна!

И чтобы закончить «сюжет» — когда уже вопрос с d-moll'ем был ясен, она мне мстительно сказала: «А может быть, ты еще и Desdur'ную “скрябинскую” тему из “Дамы с собачкой” Нади Симоня сыграешь на полтона выше? <...> Сыграй, сыграй в ре мажоре. Что, может быть, это одно и то же — в Des и в D?» Вот это и было ее тончайшее, неповторимое ощущение музыки.

Могу рассказать еще один эпизод — немного «из другой оперы», который, по-моему, тоже открывает важные черты характера Ады Григорьевны. Звоню как-то раз из консерватории домой, спрашиваю (поскольку всегда был повод спросить), как здоровье. Мама отвечает: «Ничего. Но прошу тебя, не задерживайся после работы, приезжай сразу». Я, конечно, испугалась: «В чем дело, может, ты себя плохо чувствуешь?» — «Нет, нет. Но после работы приезжай немедленно». Лечу, еле живая, на всех парах, не различая дороги. Главное — было посмотреть, не стоит ли «неотложка» у подъезда. Слава Богу, не стоит. Звоню, влетаю в квартиру... Открывается дверь. На пороге Ада Григорьевна — в двух абсолютно разных тапках, очки висят на одной оглобле (утром, когда я ухдила, обе были на месте) и держит одну руку за спиной. На лице — предельное возбуждение, глаза горят... «Ты знаешь, что ты мне вчера принесла?!» Отвечаю: «Знаю. Журнал “Новый мир”». (Там были опубликованы отрывки из прозы Пастернака). «А ты знаешь, что там есть?!» — говорит она. «Не знаю, я отдала тебе, ничего не читая». Она: «Вот! Слушай: “Гений есть кровно осязаемое право мерить все на свете по-своему, чувство короткости со вселенной, счастье familialной близости с историей и доступности всего живого. Гений

первичен и ненавязчив. И всегда рядом с неряшливой щедростью самородка следует что-нибудь завистливо рядовое и посредственное. Дела и поступки счастливого соперника кажутся ему чудачеством и безумием. Невежда начинает с поучения и кончает кровью». Стою, растерянная, не помня себя и ничего не соображая. Не подпасть под гипнотическое воздействие потрясающего обобщения, было, разумеется, невозможно. На мгновение, пастернаковская мысль меня обезоружила. Но поскольку мое волнение достигло высшей точки, а напряжение требовало разрядки, то уже через секунду я завопила во все горло и — да простит мне Бог — «шваркнула» об пол фрагментами чайного сервиза. И страшно порезала руку. Мама, горько вздохнув, сказала: «Ну что ж, у Пастернака невежда кончает этим, а ты начинаешь. Интересно, чем же ты кончишь?». Прошло больше четверти века, но до сих пор помню эти слова Пастернака, а ответ на мамин вопрос считаю решением, быть может, одного из самых главных своих жизненных заданий.

У Марии Вениаминовны Юдиной в статье о Владимире Владимировиче Софроницком есть совершенно замечательный, очень многое говорящий музыканту образ. Юдина пишет: «Кончина, смерть открывают как бы “вертикаль” ушедшего человека, его единое звучание, ибо все земное уже свершено...» И вот, на протяжении всех этих лет, когда вспоминаю маму, думаю о том, что вертикаль Ада Григорьевна образует даже, вероятно, не мажорное трезвучие, нет. Мне кажется, звуки ее жизни, подобно обертоновому ряду, сливаются в один ясный и чистый тон. И, хотя с возрастом, и с течением времени, состав жизни, опыт жизни и опыт постижения жизни очень меняются, оставляя все меньше поводов для лучезарных умозаключений, я все более отчетливо понимаю: даже если бы у меня не было таких замечательных учителей и друзей, а были только такие родители, то все равно, я не имела бы права не считать себя счастливейшим человеком.

К 100-летию Ады Григорьевны Шнитке готовится сборник статей и воспоминаний. Многие ученики прислали свои статьи. Публикуем фрагменты некоторых из них.

Фрагменты из статей учеников А. Т. Шнитке

С. Е. Белкина*музыковед, педагог теоретических дисциплин, США*

«Наши дорогие учителя дали нам замечательный пример служения своему любимому делу, музыке, пример доброжелательного, заботливого отношения к нам, ученикам. Они щедро делились с нами богатством своих знаний, посвящали нас в свои музыкальные увлечения, идеи, поиски. Все это в полной мере относилось и к нашей Адочке Григорьевне.

...Мое знакомство с Адой Григорьевной относится к концу 1937 года, когда, поступив на историко-теоретический факультет (ИТФ) Ленинградской (ныне Санкт-Петербургской) консерватории, я стала сту-

денткой ее класса по курсу «Анализ музыкальных форм». Воспоминания об Аде Григорьевне — это дорогие воспоминания о днях юности, об открытии для себя несметных богатств музыки, о времени профессионального пробуждения, в котором Ада Григорьевна сыграла такую большую роль.

...Уроки Ады Григорьевны будили и развивали наше художественное воображение, обогащали мир ассоциативных связей, удивляли яркостью образности, меткостью музыкальных характеристик».

Т. С. Бершадская*доктор искусствоведения, профессор СПбГК*

«Она жила музыкой! В беседах о музыке (а она была готова говорить о ней непрестанно) Ада Григорьевна при первой возможности бросалась к роялю, а если рояля «под рукой» не было, то начинала напевать темы, о которых шла речь, «проговаривая» при этом названия звуков, например: «До! Соль-си-до! Соль-си-до-до, соль-си-до-до, соль-си-до-ми-соль-си-до!» (о Первой симфонии Бетховена). Казалось, что музыка постоянно звучит в ее душе и сердце. И как же чут-

ко она ее слышала, как тонко и образно умела перевести в слова свои впечатления! Это умение она стремилась воспитать в своих учениках и ценила его необычайно.

Если бы я была поэтом, то сказала бы, что Ада Григорьевна — это вихрь, сплетенный из музыки и бурных эмоций, окрашенный светом радостно-восторженного приятия жизни, сколько бы ни возникало в этой жизни трудностей, ни случалось горьких минут».

Ю. А. Фалик*композитор, профессор СПбГК*

«Ада Григорьевна Шнитке была человеком незаурядным, ярким, артистичным. Меня покорял ее искрометный юмор, блестящие (почти афоризмы) высказывания о музыке и музыкантах и, конечно, талант крупного музыканта-ученого.

Ее ум был цепкий, любопытный, живой. Фантастическая эрудиция позволяла ей проводить параллели,

находить родство между полярными, на первый взгляд, художниками и музыкальными явлениями. Эти параллели становились столь очевидны, что поражало, как это прежде не приходило в голову.

...Мне также радостно вспоминать, с каким интересом она относилась к моему творчеству. Я благодарен ей за дружбу, которой был одарен».

С. М. Слонимский*композитор, профессор СПбГК*

«Ада Григорьевна светилась любовью к музыке. Ее анализы «дышали» артистическим умением донести до слушателей, учеников, коллег творческие откровения классиков и даже многих современников, чьи работы ценила замечательная наставница и друг своих воспитанников.

...Двуединство образного и конструктивного, индивидуально-стилевого и детально-технологического наша Шнитке выявляла столь же увлеченно и темпераментно, как В. А. Цуккерман в Москве. Недаром они дружили и ценили друг друга.

...Привязанность Ады Григорьевны к классическому и романтическому искусству, к Шопену и Брамсу, ор-

ганично сочеталась с деятельным интересом к русской и зарубежной музыке середины XX века. Интерес этот был чужд конъюнктуре.

В классе Шнитке не считались престижными дипломные работы и рефераты о творениях и деяниях председателей Союза композиторов, деканов и ректоров, членов ученых советов и всевозможных правлений. Зато начинающая молодежь всегда находила у Ады Григорьевны заботливую поддержку.

...Нужно ли напоминать, сколь многим обязаны Аде Григорьевне очень многие молодые музыканты, и я в том числе? Благодарность наша неизменна».